

УДК 903.2+902.699
DOI: 10.17223/19988613/66/22

Н.Н. Серегин, А. Чен

КИТАЙСКИЙ ИМПОРТ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (VI–XI вв. н.э.): ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00536а «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего Средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.)», а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

Представлен опыт реконструкции процессов распространения предметов китайского импорта у тюрок Центральной Азии. Осуществлен анализ материалов раскопок около 450 погребений кочевников, исследованных в разных частях региона. Изучение выявленных предметов китайского импорта (17 монет, 19 зеркал, 50 находок шелковых изделий и два фрагмента лаковых чашечек) позволило продемонстрировать особенности контактов кочевников на различных этапах их истории. Установлено, что основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах тюрок Центральной Азии второй половины VII – первой половины VIII в. н.э.

Ключевые слова: тюрки; Центральная Азия; Китай; импортные изделия; погребальные комплексы; письменные источники.

Разноплановые контакты с Китаем были важной частью внешней политики тюрок Центральной Азии на всех этапах истории кочевников во второй половине I тыс. н.э. Особенности отношений Поднебесной империи и кочевников получили отражение в письменных источниках – как в рунических текстах, так и в китайских летописях, сообщающих о дипломатических связях, военных походах, обменах «подарками». Другим подтверждением влияния южного соседа на тюрок являются находки китайских изделий в археологических памятниках кочевников. Эта группа предметов свидетельствует о непосредственном включении импортных предметов в материальную и духовную культуру тюрок, позволяя рассматривать особенности восприятия подобных вещей кочевниками через призму их обрядовой практики.

К настоящему времени в результате раскопок в различных частях центральноазиатского региона изучено около 450 погребений, связываемых с культурой раннесредневековых тюрок и датируемых в рамках второй половины V – XI в. н.э. [1. С. 186–204; 2. С. 133]. Основная часть этих объектов исследована на территории Алтае-Саянского региона и Монголии (рис. 1). Анализ материалов раскопок погребальных комплексов тюрок позволил осуществить первоначальную систематизацию предметов китайского импорта из захоронений, а также рассмотреть возможности определения хронологии находок [3. Табл. 1–3]. Всего в памятниках кочевников зафиксировано 17 монет, 19 зеркал, в 50 могилах обнаружены фрагменты шелка и в двух комплексах – остатки лаковых изделий (рис. 2). Одним из важных аспектов интерпретации этих материалов является детализация тенденций распространения предметов китайского импорта в конкретные хронологические периоды и на различных территориях. Определение закономерностей концентрации изделий позволит

уточнить особенности контактов кочевников с южным соседом и будет способствовать развитию представлений о функционировании торговых путей в центральноазиатском регионе в раннем Средневековье.

На начальном этапе формирования культуры раннесредневековых тюрок контакты кочевников с Китаем были весьма фрагментарными. Это обусловлено подчиненным положением кочевников в политической системе центральноазиатского региона, зависимостью от жуань-жуаней и отсутствием непосредственного доступа к торговым путям. Из письменных источников известно, что только во второй четверти VI в., когда власть Жужанского каганата стала в значительной степени формальной, тюрки получили возможность для прямых контактов с Поднебесной империей, в том числе для обмена посольствами [4. С. 82–83].

Изучение археологических комплексов тюрок, относящихся ко времени до создания Первого каганата, не позволило выявить предметов китайского импорта. В данном случае материалы раскопок памятников отражают историческую ситуацию, сложившуюся на окраине центральноазиатского региона. Важно отметить, что немногочисленные погребальные и ритуальные комплексы начального этапа в развитии культуры раннесредневековых тюрок, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI в. н.э.), известны на сегодняшний день только на Алтае [5]. Учитывая периферийное положение данного региона, а также политическую зависимость кочевников, отсутствие предметов китайского импорта в археологических памятниках представляется закономерным. Обратим внимание также на то, что и в памятниках Алтая предтюрокского времени количество привозных изделий из Поднебесной империи весьма незначительно и ограничивается единичными находками [6; 7. С. 4].

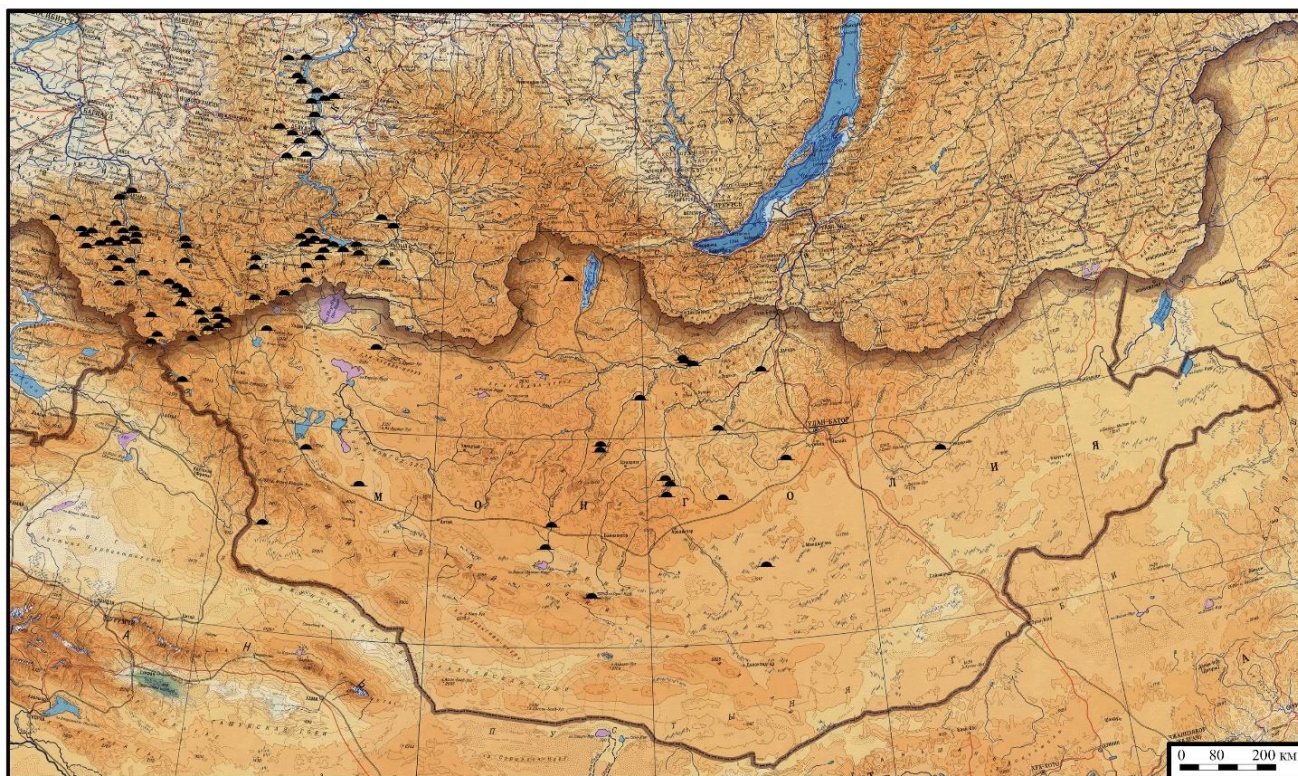

Рис. 1. Карта распространения погребальных комплексов тюрков в Алтае-Саянском регионе и Монголии

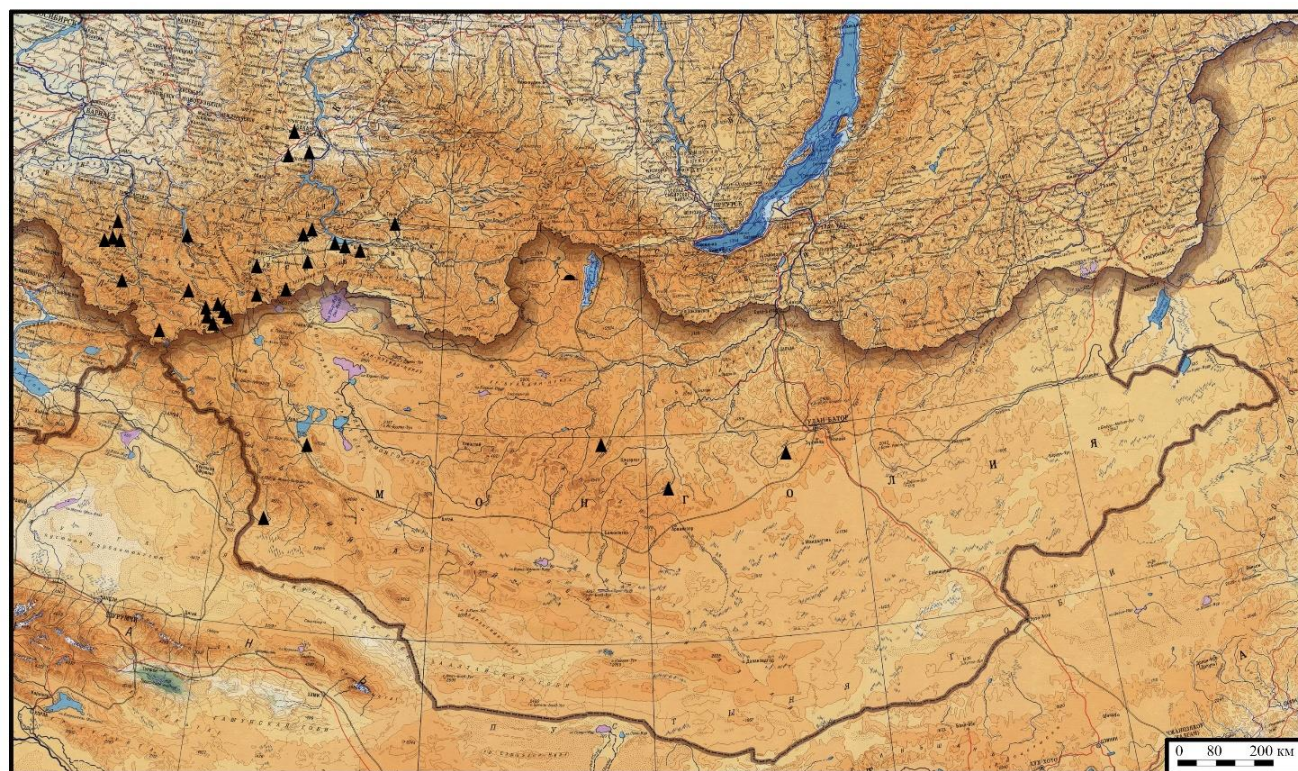

Рис. 2. Карта распространения предметов китайского импорта в погребальных комплексах тюрков в Алтае-Саянском регионе и Монголии

Очевидно, фрагментарность контактов населения Алтая с ремесленными центрами Китая в первой половине I тыс. н.э. была связана с отдаленностью данной территории от южного соседа, а также с отсут-

ствием налаженных торговых путей. К примеру, в рассматриваемом регионе не зафиксировано монет «у-шу», получивших достаточно широкое распространение практически на всех сопредельных терри-

ториях [8. С. 30; 9; 10; 11. С. 171; 12. С. 64; 13. С. 216–217; 14 и др.].

Важной вехой в истории кочевых обществ Центральной Азии стала середина VI в. н.э. Из письменных источников известно, что объединенные племена тюрков нанесли поражение империи жуань-жуаней и образовали в 552 г. Первый Тюркский каганат. Успешные военные походы способствовали быстрому расширению державы номадов и распространению традиций обрядовой практики и материальной культуры на обширные территории. Данные процессы нашли отражение в памятниках кудыргинского этапа культуры тюрков (вторая половина VI – первая половина VII в.) [15. С. 58–60; 16. С. 32–33; 4. С. 203–209]. Археологические комплексы этого периода исследованы на обширных территориях Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии.

Со второй половины VI в. в погребальных памятниках тюрков появляются предметы китайского импорта. Количество их весьма невелико. Не исключено, что данное обстоятельство в значительной степени обусловлено сравнительно небольшим объемом известных к настоящему времени археологических материалов

эпохи Первого каганата. Среди имеющихся находок, происходящих из Поднебесной империи, особое место занимает китайская монета, обнаруженная в ходе раскопок могильника Кудыргэ на Алтае [3. Рис. 2, 6; 15. Табл. XXI, 2] (рис. 3). Первоначально монета была датирована 26 г. до н.э. – 220 г. н.э. [15. С. 43; 17. С. 467], но впоследствии ее хронология была уточнена. При публикации материалов некрополя рассматриваемая находка отнесена, со ссылкой на определение известного специалиста А.А. Быкова (однако без представления оснований для такой атрибуции), к 575–577 гг. [15. С. 43]. Экземпляр из Кудыргэ не относится к «у-шу». Монеты указанного типа в целом достаточно единообразны [9. С. 59], хотя китайские специалисты выделяют значительное количество их вариантов [18]. Безусловно, в данном случае все вопросы будут сняты при получении четкого и подробного нумизматического определения. Особенно это важно в связи с тем, что монета из могильника Кудыргэ нередко рассматривается как важный показатель не только для уточнения датировки памятника, но и для определения хронологических рамок кудыргинского этапа культуры тюрков.

Рис. 3. Китайская монета из некрополя Кудыргэ (Алтай) (по: [3. Рис. 2, 6])

Свидетельством развития контактов раннесредневековых тюрков с Китаем является распространение в памятниках эпохи Первого каганата шелковых изделий. Такие находки сделаны в ходе раскопок комплексов второй половины VI – первой половины VII в. на территории Алтая, Тувы и Средней Азии [19–22]. Судя по имеющимся материалам, в большинстве случаев из шелка была изготовлена одежда; в одном захоронении обнаружен шелковый мешочек.

Своеобразную группу предметов китайского импорта, обнаруженных в ходе раскопок памятников раннесредневековых тюрков, представляют металлические зеркала дотанского времени. Все они зафиксированы в погребениях, относящихся ко второй половине VII – X в., однако, учитывая возможный длительный срок бытования подобных изделий, их появление у кочевников может быть связано с эпохой Первого каганата. Ряд черт, характерных для зеркал дотанского

времени, имеют экземпляры из могильника Шибе-II на Алтае: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. [23. Табл. XXIII, XXIV] (рис. 4). Кроме того, необычен небольшой размер обозначенных изделий (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для китайских зеркал второй половины I тыс. н.э. Орнамент, включающий ряд элементов, нехарактерных для танских зеркал (ряд шишек, отделенных лентой из горизонтальных полосок, и др.), имеет также фрагмент изделия из могильника Курай-III [24. Рис. 34]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [25. С. 41], данная находка датируется IV–VI вв. Судя по всему, подобная же ситуация, демонстрирующая довольно значительный хронологический интервал между временем изготовления предмета и датировкой погребения, отмечена в ходе исследований могильника Наинтэ-Суме в Монголии. В состав сопроводительного инвентаря захоронения входил фрагмент зеркала [26. Табл. IV, 1],

который, судя по сохранившейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, относится к экземплярам ханьского времени [27]. Близкие аналогии среди зеркал дотанского времени имеет также находка зеркала из погребения Бертек-34 [28. С. 149]. Среди элементов орнамента, характерных для изделий обозначенного периода, следует отметить большое

количество нешироких лент, расположенных вокруг центральной шишки-петли и отделенных друг от друга узкими валиками. Не исключено, что представленные находки из тюркских погребений могут являться поздними копиями металлических зеркал. Для уточнения времени изготовления изделий необходим специальный анализ каждого экземпляра, в том числе изучение состава сплава предметов.

Рис. 4. Китайские металлические зеркала из некрополя Шибэ-II (Алтай) (по: [23. Табл. XXIII, 1; XXIV, 2])

Особым этапом в истории раннесредневековых кочевников Центральной Азии являлся период зависимости от Китая, наступивший после крушения Восточно-тюркского каганата в 630 г. и продолжавшийся до 679 г. До недавнего времени археологические материалы предоставляли крайне мало информации для детализации обозначенных процессов. Анализ раскопок погребальных комплексов тюрков, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, в некоторой степени иллюстрирующие этот период истории кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) [29, 30] и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [31]. Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в раннесредневековой археологии, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем уже накоплен определенный опыт изучения обозначенных комплексов [32]. Судя по имеющимся сведениям, эти памятники не оставлены непосредственно тюрками – по крайней мере первый из упомянутых объектов, в ходе изучения которого зафиксирована эпитафия, выполненная китайскими иероглифами и обнаруженная на двух плитах перед входом в погребальную камеру [30. С. 97–126]. Анализ текста позволил установить, что гробница была возведена для гла-

вы племени Пугу, находившегося на службе у танского императора и имевшего довольно высокий военно-административный статус. Вместе с тем «элитные» памятники могут быть использованы для рассмотрения общих тенденций истории обществ кочевников в середине – третьей четверти VII в.

Материалы раскопок обозначенных объектов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и, по сути, являются, скорее, китайскими. Конструктивные особенности комплексов (крупная земляная насыпь, длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка со входом на юге и др.), глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Кочевнический» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [32. Рис. 58].

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии областей, населенных кочевниками, но находившихся в подчинении у императоров Поднебесной империи. Дальнейшее исследование подобных комплексов позволит детализировать особенности процессов взаимодействия кочевников с Китаем, в том числе расширить имеющиеся представления о влиянии материальной культуры Поднебесной империи на кочевников.

Основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах тюрок Центральной Азии, датирующихся второй половиной VII – первой половиной VIII в. н.э. Это объясняется тем, что после воссоздания кочевой империи (II Восточно-тюркского каганата) у кочевников рассматриваемой общности вновь появилась возможность получения импортных вещей. Вероятно, значительная часть привозных изделий поступила к скотоводам центральноазиатского региона в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для них войны 721–723 гг. [4. С. 109]. Именно к рассматриваемому периоду в истории тюрок относится большая часть металлических зеркал, монет и шелковых изделий, а также редких находок предметов из лака, обнаруженных в ходе раскопок погребальных комплексов на территории Алтая, Тувы и Монголии.

В археологических памятниках тюрок, датирующихся более поздним временем, предметы импорта встречаются, но уже не столь многочисленны. Данное обстоятельство связано с крушением каганата и вхождением кочевников рассматриваемой общности в состав империй уйгуров и кыргызов. Наиболее поздние предметы китайского импорта в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии относятся ко второй половине X – XI в. н.э. Среди таких находок отметим редкое для рассматриваемого региона зеркало из скального погребения Каменный Лог [33. Рис. 1, 13]. По ряду признаков данный фрагмент может быть отнесен к предметам, произведенным в X–XI вв. В то время, по наблюдению Е.И. Лубо-Лесниченко [25. С. 25], рельефные и массивные зеркала танского времени сменяются тонкими изделиями с более мелким и изящным орнаментом. Кроме того, в немногочисленных тюркских погребениях Центральной Азии конца I тыс. н.э. обнаружены фрагменты шелковых изделий [34, 35].

Выявленные тенденции в распространении предметов китайского импорта в археологических комплексах раннесредневековых тюрок Центральной Азии полностью соотносятся с основными политическими событиями в регионе. Степень доступа кочевников к «престижному» в их среде привозным изделиям из Поднебесной империи определялась возможностью контроля торговых путей, а также общей активностью контактов с южным соседом. Наибольшие возможности для получения предметов импорта кочевники имели в периоды политической стабильности, во время существования крупнейших кочевых империй – Первого Тюркского каганата и Второго Восточно-тюркского каганата.

В целом объяснимы и тенденции, наблюдающиеся в территориальном распределении предметов китайского импорта в памятниках кочевников (см. рис. 2). Показательной является редкость привозных вещей в погребениях раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. При этом следует отметить, что в данном регионе к настоящему времени зафиксировано значительное количество различных китайских предметов, в большинстве случаев представляющих случайные находки. Судя по всему, исключительность китайских изделий в тюркских захоронениях Среднего Енисея

объясняется сравнительной непродолжительностью периода политической самостоятельности кочевников рассматриваемой общности на этой территории. Напротив, наибольшее количество предметов китайского импорта обнаружено в памятниках раннесредневековых тюрок Алтая, где культура кочевников развивалась на протяжении длительного времени и при наименьшем влиянии других объединений кочевников.

Следует признать, что специфика территориального распределения предметов китайского импорта в погребениях тюрок обусловлена не только объективными обстоятельствами. Одним из факторов является общая степень изученности комплексов конкретного региона. В частности, очевидно, что сравнительно небольшое количество привозных изделий в памятниках Монголии объясняется отсутствием целенаправленных исследований погребений раннесредневековых тюрок на данной территории. При этом практически каждый год в результате работ в этом регионе появляются новые материалы. Одним из примеров, демонстрирующих перспективы раннесредневековой археологии Монголии, являются результаты изучения скального погребения Узуур гялан, обнаруженного в 2016 г. [36]. В состав инвентаря данного комплекса наряду с многочисленными изделиями входили предметы китайского импорта – одежда из шелка и фрагмент металлического зеркала. Важно отметить, что памятник относится к позднему этапу в истории тюрок, и наличие привозных вещей показывает сохранение контактов с ремесленными центрами Поднебесной империи в конце I тыс. н.э.

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что китайские изделия представляли собой весьма важный элемент материальной культуры кочевников. Вещи, изготовленные в ремесленных центрах оседлых земледельцев, попадали к кочевникам различными путями. В письменных источниках имеются многочисленные сведения о «подарках», отправляемых скотоводам. Многие исследователи полагают, что это была завуалированная форма дани, выплачиваемая беспокойным северным соседям в обмен на политическую лояльность и отсутствие набегов [37. С. 25]. Нет сомнений в том, что значительная часть китайских изделий захватывалась кочевниками как раз в ходе таких военных операций с целью грабежа, главным образом на приграничных территориях. Вместе с тем имеются сведения, позволяющие утверждать, что в отдельные периоды между раннесредневековыми кочевниками и Китаем существовал налаженный обмен товарами посредством функционирования разветвленных торговых путей.

Китайские изделия имели большую ценность у кочевников Центральной Азии раннего Средневековья. Их помещение в могилу означало, что умерший человек при жизни отличался высоким социальным и имущественным статусом. Судя по всему, китайские вещи относились к предметам роскоши, отражая уровень богатства кочевника и его принадлежность к элите общества. Помимо социального фактора, значение китайских изделий определялось тем, что они могли

выполнять некоторые ритуальные функции. Вопрос о выделении предметов культа у раннесредневековых кочевников Центральной Азии до сих пор остается открытым. Вместе с тем рассмотренные материалы позволяют предположить, что определенное ритуальное значение имели китайские зеркала и их фрагменты, а также монеты, которые носились кочевниками в качестве амулетов. Показательным является хранение некоторых предметов, предположительно относимых к культовым, в специальных мешочках из китайского шелка.

Дальнейшее исследование особенностей распространения китайских предметов у кочевников Центральной Азии раннего Средневековья имеет большие перспективы. К примеру, значительный интерес представляет изучение китайских изделий из лака. В настоящее

время в памятниках тюркской культуры известно всего два случая обнаружения лаковых чашечек [38. С. 210; 39. С. 180]. Ограниченное количество имеющихся материалов, а также отсутствие специальных работ не позволяют реализовать информационный потенциал таких изделий из тюркских погребальных комплексов. Широкий спектр современных возможностей в указанном направлении демонстрирует накопленный в последние годы опыт изучения лаковых изделий из археологических памятников Алтая и Монголии раннего железного века [40–42 и др.]. Несомненно, значительные перспективы имеет комплексное исследование импортных предметов с применением методов естественных наук, а также последующее сравнение полученных результатов с итогами работ китайских специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии : (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.
2. Серегин Н.Н. Погребальный обряд тюрков Монголии (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация // Труды V (XXI) Всерос. съезда. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 133–136.
3. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 1 (7). С. 49–72.
4. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
5. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
6. Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 88–90.
7. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
8. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во ИГиЭ СО РАН, 1998. 152 с.
9. Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV. С. 57–65.
10. Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 49–52.
11. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
12. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН, 2007. 197 с.
13. Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М. : Вост. лит., 2007. С. 212–222.
14. Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак, Монголия) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 336–339.
15. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. : Л. : Наука, 1965. 146 с.
16. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 28–43.
17. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
18. Чжунго гу цянъши (Старинные монеты Китая) / сост. Тан Шифу. Шанхай : [б.и.], 2001. 658 с. (На кит. яз.).
19. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.
20. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. : Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
21. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
22. Худяков Ю.С., Кочев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 10–18.
23. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.
24. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
25. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М. : Наука, 1975. 155 с.
26. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.
27. Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 100–108.
28. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертековской долины. Новосибирск : Наука, 1994. С. 104–124.
29. Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курганы Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2010. С. 254–257.
30. Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурбалаг малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 т.
31. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 290 с.
32. Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 60–74.

33. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. № 9. С. 117–124.
34. Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 140–154.
35. Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 143–156.
36. Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2016. С. 164–187.
37. Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2001. 312 с.
38. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. № 2. С. 207–217.
39. Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 178–188.
40. Полосымак Н.В., Кундо Л.П. Новые данные о лаковых изделиях из ноин-улинских курганов (по результатам междисциплинарных исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 171–175.
41. Elikhina Y., Novikova O., Khavrin S. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // Asian Archaeology. 2013. Vol. 2. P. 93–107.
42. Сутягина Н.А., Новикова О.Г. Китайская лаковая чашечка из погребения «золотого человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4. С. 83–91.

Nikolai N. Seregin, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Annie Chan, University of Pennsylvania (Philadelphia, USA); University of Geneva (Geneva, Switzerland). E-mail: annic@sas.upenn.edu

CHINESE IMPORTS FROM THE SITES OF CENTRAL ASIAN TURKS (VI–XI CENTURIES AD): DYNAMICS OF DISTRIBUTION, HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Keywords: Turks, Central Asia, China, imported products, burial complexes, written sources.

Imported products found in the sites of the Central Asian region are an important source for studying various aspects of the nomad's history. The purpose of this article is the analyses of Chinese objects from Turkic funeral complexes of Central Asia for the study of distribution of such things in the second half of the 1st millennium AD. The source of the work are the materials of excavations of about 450 graves, most of which were investigated in the Altai-Sayan region and Mongolia. The chronology of the sites under consideration is determined within the framework of the VI–XI centuries AD. During the study of the Turkic graves 17 Chinese coins and 19 mirrors were found. In addition to this 50 graves included fragments of silk and two complexes – the remains of lacquer caps.

The study was based on an integrated approach, involving the use of various methods of analysis of available materials. The cartography method was applied, which allowed to determine the peculiarities of the distribution of Chinese products in various parts of the Central Asian region. As part of the characteristics of objects, the method of morphological analysis was used, as well as the method of analogies, which made it possible to specify the dating of things. The results of studying Chinese subjects with the help of natural science methods are taken into account.

The study of findings made it possible to characterize the peculiarities of contacts of nomads with China at various stages of history. It is established that the earliest imports are in Turkic sites of the First Khaganate (second half of the 6th – first half of the 7th century AD). Until this time, the nomadic relations with China were fragmentary, which was explained by the subordinate position of the Turks in the political system of the Central Asian region, dependence on the Rouran and the lack of direct access to trade routes. One of the results of the creation of the empire and the active military expansion was the appearance of rare items of Chinese imports (silk products and one coin) in the Turkic burials. The main part of products from Chinese craft centers was found in the funeral complexes of Central Asian Turks dated by the second half of the 7 – the first half of the 8 century AD. It could be explained by the fact that after the founding of the Second East Turkic Kaganate the nomads again had the opportunity to receive imported things. Probably, a significant part of the imported products came to the cattle-breeders of the Central Asian region as a result of favorable trade agreements with China, concluded on the basis of the successful war in 721–723 AD. The number of imports in the Turkic sites of the second half of the 8–9 centuries AD is much smaller. This was due to the collapse of the Kaganate and the entrance of nomads to the Uygur and Kyrgyz empires. Thus, the revealed trends in the distribution of Chinese imports in the archaeological complexes of the Central Asian Turks are fully correlated with the main political events in the region. The degree of access of nomads to the “prestigious” imported products was determined by the ability to control trade routes, as well as the overall activity of contacts with the southern neighbor. The logic of historical events corresponds to the trend of territorial distribution of findings. The main part of Chinese products found in the Altai, where the Turkic society developed over a long period of time and with the least influence of other groups of nomads. A small number of imports in the sites of Mongolia could be explained by the lack of targeted research of Turkic burials in this territory. Prospects for further studies of Chinese products from the archaeological sites are associated with the application of methods of natural sciences, as well as the subsequent comparison of the obtained results with the data of Chinese specialists.

REFERENCES

1. Seregin, N.N. (2013) *Sotsial'naya organizatsiya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii: (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)* [Social organization of the early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia: (based on materials from burial complexes)]. Barnaul: Altai State University.
2. Seregin, N.N. (2017) Pogrebal'nyy obryad tyurok Mongolii (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematzatsiya, analiz, interpretatsiya [Burial rite of the Turks of Mongolia (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. *Trudy V (XXI) Vseros. s"ezda*. 2. pp. 133–136.
3. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2013) Chinese items from archaeological sites of early medieval Turkic tribes of Central Asia. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 1(7). pp. 49–72. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-03
4. Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2011) Predmetnyy kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoy kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI vv. n.e.): traditsii i novatsii [Subject complex from the monuments of the Kyzyl-Tash stage of the Turkic culture (2nd half of the 5th – 1st half of the 6th centuries AD): traditions and innovations]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 6. pp. 14–32.
6. Soenov, V.I. & Glebova, N.I. (2003) Fragmenty shelkovykh tkaney iz mogil'nika Kurayka [Fragments of silk fabrics from the Kurayka burial ground]. *Arkheologiya i etnografiya Altaya*. 1. pp. 88–90.

7. Soenov, V.I. (2010) Polevye arkheologicheskie issledovaniya Nauchno-issledovatel'skoy laboratorii po izucheniyu drevnostey Sibiri i Tsentral'noy Azii GOU VPO GAGU v 2010 g. [Field archaeological research of the Scientific Research Laboratory for the Study of Antiquities of Siberia and Central Asia GOU VPO GASU in 2010]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Vol. 3(15). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 3–6.
8. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob regio]. Novosibirsk: SB RAS.
9. Kamyshev, A.M. (1999) Monety Kitaya iz Kyrgyzstana [Coins of China from Kyrgyzstan]. *Numizmatika Tsentral'noy Azii*. 4. pp. 57–65.
10. Masumoto, T. (2001) [Chinese coins from medieval burials in Western Siberia]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Proc. of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 49–52. (In Russian).
11. Ilyushin, A.M. (2005) *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethnocultural history of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo: KuzSTU.
12. Dluzhnevskaya, G.V. & Savinov, D.G. (2007) *Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya* [Antiquities at the bottom of the Tuva Sea]. St. Petersburg: RAS.
13. Kuznetsov, N.A. (2006) Monety iz pamyatnikov verkhneobskoy kul'tury [Coins from the monuments of the Upper Ob culture]. In: Klyashtornyy, S.G. & Sultanov, T.I. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik 2006* [Turcologica 2006]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 212–222.
14. Tishkin, A.A., Munkhbayar, B.Ch. & Seregin, N.N. (2009) Kompleksnoe izucheniye monety “u-shu” iz somona Altay (Khovdskiy aymak, Mongoliya) [Comprehensive study of the “u-shu” coin from the Altai somon (Khovd aimak, Mongolia)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The role of natural scientific methods in archaeological research]. Barnaul: Altai State University. pp. 336–339.
15. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
16. Mogilnikov, V.A. (1981) Tyurki [Turks]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 28–43.
17. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
18. Tang Shifu. (2001) *Chzhungo gu tsyan'shi* [Ancient coins of China]. Shanghai: [s.n.].
19. Kadyrbaev, M.K. (1959) Pamyatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana [Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Kazakhskoy SSR*. 7. pp. 162–203.
20. Weinstein, S.I. (1966) Pamyatniki vtoroy poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoy Tuve [Monuments of the second half of the 1st millennium in Western Tuva]. In: *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 292–334.
21. Mamadakov, Yu.T. & Gorbunov, V.V. (1997) Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Ancient Turkic burial mounds of the Katanda-III burial]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Izvestiya laboratorii arkheologii* [News of the Laboratory of Archeology]. Gorno-Altaysk: GASU. pp. 115–129.
22. Khudyakov, Yu.S. & Kocheev, V.A. (1997) Drevnetyurkskoe mumifitsirovannoe zakhoroneniye v mestnosti Chatyr u s. Zhana-Aul v Gornom Altae [Ancient Türkic mummified burial in the Chatyr area near the village Zhana-Aul in Gorny Altai]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 3. pp. 10–18.
23. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2011) *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metal mirrors as a source on the ancient and medieval history of Altai (based on materials from the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University)]. Barnaul: Azbuka.
24. Evtyukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1941) Otchet o rabotakh Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1935 g. [Report on the work of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 16. pp. 75–117.
25. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1975) *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny* [Imported mirrors of the Minusinsk Basin]. Moscow: Nauka.
26. Borovka, G.I. (1927) Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniya r. Toly [Archaeological survey of the middle reaches of the river. Toly]. In: Borovka, G.I. et al. *Severnaya Mongoliya. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoy i arkheologicheskoy ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu* [Northern Mongolia. Preliminary reports of the linguistic and archaeological expeditions on the work done in 1925]. Leningrad: USSR AS. pp. 43–88.
27. Filippova, I.V. (2000) Kitayskie zerkala iz pamyatnikov khunnu [Chinese mirrors from the Xiongnu monuments]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 100–108.
28. Savinov, D.G. (1994) Mogil'nik Bertek-34 [Burték-34 burial ground]. In: Molodin, V. (ed.) *Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny* [Ancient Cultures of the Bertek Valley]. Novosibirsk: Nauka. pp. 104–124.
29. Danilov, S.V., Ochir, A., Erdenebold, L., Buraev, A.I., Saganov, B.V. & Batbold, Kh. (2010) Kurgan Shoroon Dov i ego mesto v obshchey sisteme arkheologicheskikh pamyatnikov tyurkskoy epokhi Tsentral'noy Azii [Kurgan Shoroon Dov and its place in the general system of archaeological monuments of the Turkic era in Central Asia]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 254–257.
30. Ochir, A., Danilov, S.V., Erdenebold, L. & Tserendorzh, Ts. (2013) *Ertniy nygdelchdiyn bunkhant bulshny maltlaga sudalgaa. Töv aymgiyn Zaamar sumyn Shoroon bumbagar dursgalyn maltlaga sudalgaa*. Ulaanbaatar: [s.n.].
31. Ochir, A., Erdenebold, L., Kharzhaubay, S. & Zhantegin, Kh. (2017) *Ertniy nuudelchdiyn bunkhant bulshny maltlaga sudalgaa*. Ulaanbaatar: [s.n.].
32. Seregin, N.N. (2017) “Elite” burial complexes of the Turkic time in Mongolia: results and prospects of research. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 2. pp. 60–74. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-06
33. Soenov, V.I., Trifanova, S.V., Vdovina, T.A. & Yazhankina, S.I. (2002) Srednevekovoe skal'noe zakhoroneniye v Kamennom Logu [Medieval rock burial in Kamenny Log]. *Drevnosti Altaya*. 9. pp. 117–124.
34. Weinstein, S.I. (1954) Arkheologicheskie raspokpi v Tuve v 1953 godu [Archaeological excavations in Tuva in 1953]. *Uchenye zapiski TNIIYaLI*. 2. pp. 140–154.
35. Trifonov, Yu.I. (2000) Pogrebeniye X v. n.e. na mogil'nike Argalykty-I [Burial of the 10th century AD at Argalykty-I burial ground]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: NSU. pp. 143–156.
36. Munkhbayar, Ch., Pyrevdorzh, G., Byambasyren, Kh. & Sykhbaatar, B. (2016) Yzyr gyalangiy tyreg khadny orshuulgyn maltlaga sudalgaany ur'dchilsan yr dyngees. In: *Munkhkhayrkhan uul, Bulgan gol – Ikh ongogiyn baygaliyn isogtsolbort gazar*. Ulaanbaatar: Soembo printing, 2016. pp. 164–187.
37. Kradin, N.N. (2001) *Imperiya Khunnu* [Hunnu Empire]. 2nd ed. Moscow: Logos.
38. Evtyukhova, L.A. (1957) O plemenakh Tsentral'noy Mongolii v IX v. [About the tribes of Central Mongolia in the 9th century]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 207–217.
39. Dluzhnevskaya, G.V. (2000) Kompleks drevnetyurkskogo vremeni na mogil'nike Ulug-Byuk-II [The ancient Turkic complex at the Ulug-Byuk-II burial ground]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: NSU. pp. 178–188.

40. Polosmak, N.V. & Kundo, L.P. (2011) Novye dannye o lakovykh izdeliyakh iz noin-ulinskikh kurganov (po rezul'tatam mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy) [New data on lacquerware from the Noin-Ula burial mounds (based on the results of interdisciplinary research)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Vol. 17. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 171–175.
41. Elikhina, Y., Novikova, O. & Khavrin, S. (2013) Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Reseach Using the Methods of Art History and Natural Science. *Asian Archaeology*. 2. pp. 93–107.
42. Sutyagina, N.A. & Novikova, O.G. (2016) Chinese Lacquer Cup from the “Golden Man” Tomb at Bugry, Northern Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.4.083-091